

Алымов и Комитет Севера*

В. В. Сорокажердьев

20 июня 1924 года в Москве при Всесоюзном Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК) был создан Комитет содействия народностям северных окраин, который сокращенно называли Комитет Севера при ВЦИК, способный решать хозяйственные, культурные и политические вопросы малых народов. В северных административных центрах организовались местные Комитеты Севера. В Мурманске он появился только через три года (30 мая 1927 г.) при Президиуме губисполкома, но прошло еще три месяца, как председателем его назначили В. К. Алымова, члена губисполкома, преобразованного в окрисполком, в связи с вхождением территории губернии на правах округа в состав Ленинградской области (1 сентября 1927 г.).

Через год, освободившись от основных обязанностей в плановой комиссии окрисполкома, Алымов полностью отдался новой работе. Поначалу круг служебных дел на новом месте был таков: исполнение поручений центра по делам саамов и ненцев («лопарей и самоедов», как их

тогда именовали), сбор сведений об их жизни и нуждах, изучение истории и культуры, «выяснение мероприятий, необходимых для хозяйственного подъема этих народностей», содействие экспедициям и прочее. Заметим, саамскими делами Алымов начал заниматься задолго до нового назначения — по делам основной работы в плановой комиссии и увлечению этнографией.

В феврале 1928 года Алымов сообщал в Москву о проделанной работе: составление «эскизного плана путей сообщения в Лапландии...», оказание материальной помощи в сооружении телеграфной линии Ловозеро — Мурманск, разработка плана медико-санитарного обследования лопарей по следам экспедиции Золотарева силами Красного Креста.

Пока Алымов и его помощник А. М. Меллер (заведующий отделом народного образования) получали зарплату в окрисполкоме, деньги от Комитета Севера при ВЦИК они использовали на местные нужды: «1) На радио в Ловозере (100 р.); 2) на карбасы для речных переправ (100 р.);

* По материалам фонда Р-169 (Комитет Севера) Государственного архива Мурманской области (ГАМО).

3) на радио в Иоканге (300—400 р.) и 60 р. в доплату за помещение (уплачено). Просим в дальнейшем разрешить зарплату расходовать главным образом на помощь лопарскому населению...»

Первые полтора года помощниками Алымова в Комитете Севера были саам В. А. Коньков и, как отмечалось, А. М. Меллер. 20 апреля 1929 года Президиум окрисполкома назначил вместо них заведующего окружным земельным управлением Г. В. Стрелкова и заведующего отделом народного образования И. Н. Лещинского. В декабре того же года Стрелкова заменил А. А. Марчулин. Основной круг их деятельности — медицина, образование, районирование, разрешение споров. Попутно Алымов занимался любимым делом: собирал сказки и легенды.

Медицинские вопросы касались строительства больниц, подбора кадров, в первую очередь в Ловозере, где на больницу в 1927 году было отпущено 15 тысяч рублей, построена через два года. В 1930 году Алымов с помощниками содействовал работе экспедиции доктора Ж. К. Штрома из института имени Пастера. Она обследовала около 1000 человек по маршруту Териберка — Иоканга — Поной — Сосновка — Пялица. Медицинские проблемы, плохая организация охраны здоровья коренного населения, высказывания некоторых ученых о вымирании северных народов побудили Алымова написать обстоятельную статью «Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова». Сравнивая статистические сведения прошлых и нынешних лет, Алымов заявил, что при организации медицинской, санитарной, акушерской помощи скорой убыли лопарского населения можно избежать.

Вопросы образования и культуры решались по нескольким направлениям: подготовка учительских кадров, школьное строительство, создание письменности, организация красных чумов. При содействии Комитета Севера появились новые школы в Бабенском погосте, Ивановке, Иоканге, расширились существующие школы, строились школы-интернаты на Туломе, в Нотозере, Поное. Алымов хлопотал о постройке в Мурманске школы-девятилетки с интернатом для малых народностей.

Национальные кадры с 1925 года готовились на Северном факультете Ленинградского восточного института имени А. С. Енукидзе, в 1930 году преобразованного в Институт народов Севера (ИНС). Он имел такие отделения: 1) советско-партийное — готовились секретари и заведующие отделами райкомов; 2) кооперативно-колхозное — председатели, инструкторы; 3) промысловое — инструкторы и помощники по хозяйственной части; 4) педагогическое — заведующие школ, инструкторы-политпросветработники; 5) индустриальное — педагоги, завмастерскими; 6) редакционно-издательское — работники печати. В 1931 году был образован Северо-Азиатский семинарий, на который принимали аборигенов со средним образованием. Здесь готовили педагогов по языкам Севера и издательские кадры.

В течение 1927—1932 годов ИНС из Мурманского округа окончили 20 человек. Первыми саамами-учителями, окончившими этот вуз, стали

И. А. Осипов из Рестикента и А. И. Матрехина, вернувшаяся в Иокангу. Позднее в институте учились Никон и Александр Герасимовы, Иллариия, Евдокия, Татьяна и Александра Матрехины, Яков Осипов и другие, создавшие там землячество.

Существовало еще Северное отделение педагогического института имени А. И. Герцена, куда принимали учителей, имевших стаж не менее года. В делах Комитета Севера есть ходатайство Алымова об учителе Кольско-Лопарского района Александре Петровиче Смирнове.

В Мурманском педтехникуме было образовано саамское отделение. В 1931 году там училось 11 человек, в 1933-м — 27, большая часть из Нотозерского сельсовета. Алымов занимался жалобами на плохие бытовые условия студентов, а также устройством в техникум студентов ИНСа, не пожелавших возвращаться в Ленинград. Рассматривал заявления на учебу, были к нему и предварительные заявки. Так, 25 сентября 1933 года писал учитель Кольской семилетней школы А. М. Чарыгин об ученике Онни Тухканен, который «великолепно владеет русским, финским и лопарскими языками». Пожелание учителя — помочь ему закончить школу и поступить в педтехникум, но денег у родителей на оплату интерната нет. Алымов решил и этот вопрос.

В 1933 году при окрисполкоме образовался Комитет содействия развитию языка и письменности народов Севера или упрощенно — Комитет нового алфавита, возглавляемый З. Е. Черняковым. Несмотря на отдельные разногласия, Алымов участвовал в работе Комитета, выпуске первого саамского букваря, создаваемого на латинской графике. Еще за два года до этого он готовил материалы к 1-й Всесоюзной конференции по развитию языков и письменности народов Крайнего Севера, о чем свидетельствуют его записка в Комитет Севера при ВЦИК, публикуемая в данном сборнике, и другие документы, имеющиеся в архивных делах.

Новый алфавит и саамский букварь Чернякова (руководитель составительской группы) не прижился, грамота саамами осваивалась с трудом, ибо учащимся приходилось изучать два алфавита — русский и латинизированный. Позднее ИНС разработал проект алфавитов для 13 народов Севера на основе русского, состоявших из 30—33 знаков (латинизированный имел 36 знаков). Появился новый букварь А. Г. Эндюковского. Но последующие политические события, связанные с репрессиями, прервали доброе дело. Только в 80-е годы минувшего столетия с появлением учебников и словарей саамская письменность стала возрождаться, появились свои писатели.

В конце 30-х важнейшим делом для Мурманского комитета Севера являлось районирование по национальному признаку, организация туземных лопарских районов. Во второй половине 1929 года этот вопрос неоднократно рассматривался на заседаниях Комитета Севера и плановой комиссии окрисполкома, спрашивалось мнение также в райисполкомах и местных сельских Советах. 25 декабря с докладом «О национально-территориальном районировании в Мурманском округе» Алымов выступил на заседании ад-

министративно-правовой комиссии Комитета Севера при ВЦИК. Содокладчиком был профессор МГУ В. П. Налимов, летом того года работавший с экспедицией на Кольском полуострове.

Предлагалось образовать два национальных района: Восточно-Лапландский и Западно-Лапландский. В состав первого должны были войти два существующих административных района — Ловозерский и Понойский с присоединением части Териберского района, издавна освоенного лопарями Семиостровского погоста (летний погост в Варзино с прилегающей территорией) и с выделением территории русского села Поной в особый сельсовет с самостоятельным бюджетом.

В состав Западно-Лапландского образования входили бы погосты и селения с освоенными ими территориями: Кильдинский, Нотозерский (с финской деревней Ниванкюля), Бабинский (с финской деревней Иона, но без русского селения Зашеек), гирвасские, пулозерские и екостровские лопари. Мотовские лопари оставались бы в Александровском районе. Комиссия постановила: «Одобрить предложенный т. Алымовым от имени Мурманского Комитета Севера проект организации Восточно-Лапландского и Западно-Лапландского туземных районов... Отметить, что к высказанным докладчиком положениям содокладчик проф. Налимов присоединяется».

26 мая 1930 года окружная административная комиссия рассмотрела алымовский проект национального районирования и одобрила его наполовину: вариант Восточно-Лапландского района приняла, а проект второго района вернула на доработку.

31 июля 1930 года вопрос районирования рассматривался в Ленинграде. Решение областной административной комиссии, позднее утвержденное Леноблисполкомом, оказалось неожиданным. Национальным (туземным) районом утверждался существующий Ловозерский район в тех же границах в составе четырех сельсоветов (Воронинский, Семиостровский, Ивановский и Ловозерский) и в этих же границах национальным большинством являлось не коренное лопарское население, а пришлые коми-ижемцы (процентное соотношение — 42 и 47,1). Александровский район также объявлялся национальным (финским) в составе 10 сельских Советов, из которых лопарским был Мотовской.

Между колхозами, между сельскими обществами иногда возникали неясности по землеводопользованию, из-за нечетких границ спорили на ягельных пастбищах, на озерах и реках. Кочевые маршруты оленьих стад насчитывали сотни километров, пересекали зачастую территории чужих хозяйств. В Комитете Севера нередко рассматривали жалобы, особенно с восточной стороны: треугольник Каневка — Иоканга — Поной. Там, пригласив специалистов, два сезона экспедиционно работал Ленгосторг, занимавшийся вопросами землеустройства, позднее организовавший колхоз с одноименным названием. Один из приглашенных специалистов — геоботаник А. С. Салазкин — остался на Кольском полуострове, поселился в Оксине близ Каневки, подружился с Алымовым, в 1938 году разделил с ним мученическую судьбу.

О сложных взаимоотношениях лопарей с ижемцами рассказывал в письме Алымову сотрудник Кольской экспедиции Академии наук В. В. Чарнолуский, вернувшийся из Ивановки в октябре 1929 года. Там за ижемцем И. И. Артиевым, поселившимся с разрешения общества на лопарской земле, потянулись другие. Пустив корни, освоившись, ижемцы стали теснить местных, стали пастись оленей на чужих угодьях. Тайком выведав лопарские промысловые секреты, непрошенные соседи беззастенчиво ловили рыбу на их уловистых ямах. Комитет Севера занимался ижемско-лопарскими отношениями.

Рассматривал он также спор между русскими и лопарями о владении семужьими тонями на реке Вороньей. Спорили Воронинский погост и русская колония Голицыно. В конце мая 1929 года Алымов по этому поводу ездил в Гаврилово, участвовал в согласительной комиссии, которая постановила: образовать трудовую артель по 9—10 человек с каждой стороны и пользоваться тонями сообща, улов распределять равномерно, арендную плату вносить в Териберский РИК в размере процентных отчислений, определенных «Правилами» Мурманского окрисполкома.

А незадолго до этого Алымов ездил в Кильдинский погост, жители которого оспаривали самоуправство чиновников из Александровского РИКа, лишивших их традиционных тоней в Кольском заливе: Варламова, Алаш-Камень, Никитина и других. 15 мая Комитет Севера постановил: сохранить за лопарями Кильдинского погоста их тони.

Этот же вопрос — «оттеснение лопарей от Кольского залива» — рассматривали 29 октября 1929 года на заседании Комитета Севера, посвященном землеустройству лопарей и самоедов. Алымов изложил историческую справку о землеводопользовании в этом районе, а профессор Налимов, экспедиция которого охватывала колонии Кольского залива, поделился наблюдениями.

Отношение Алыпмова к коллективизации, как к чуждой лопарям форме ведения хозяйства, высказал Салазкин на допросе 26 марта 1938 года. Он сказал правду, судя по документам, председатель Мурманского комитета Севера не активничал в этом деле, как, например, в районировании, не навязывал малому народу колхозную жизнь. Он делал работу, как от него требовало время и руководство, открыто не протестуя и внутренне не соглашаясь.

6 ноября 1929 года на заседании Комитета он огласил проекты 5-летнего плана строительства оленеводческих колхозов и 5-летнего плана совхоза на 10 тысяч голов. На том же заседании слушали письмо Чарнолуского, который в неприглядных красках рисовал деятельность разваливающегося колхоза «Красная тундра» в Ивановке. Никаких решений по этой части письма не принималось, ограничились записью в протоколе: «Сообщение принять к сведению».

Впрочем, Чарнолуский изложил то же самое лично по приезду в Мурманск на расширенном заседании Комитета Севера с участием членов окрисполкома и председателя колхоза Пенькова: отчетность в колхозе не ведется, дела решаются не Советом, а председателем, на тяжелых

работах — только лопари... Неудивительно, что в течение года из колхоза вышло 8 лопарских хозяйств. Пеньков оправдывался, выгораживал себя, в конце сказал: «Лопари — лодыри».

После ряда директив советского правительства о перегибах в коллективизации, в том числе в оленеводстве, когда обобществляли всех до единого оленей, в кольском колхозостроительстве, видимо, больших изменений не произошло. Алымов выступил в «Полярной правде», а в Комитет Севера при ВЦИКе отправил записку, что директивы на местах не выполняются.

Осенью 1930 года отделение Комитета Севера в Мурманске ликвидировали. Причины изложены в записке зампреда окрисполкома Я. П. Дроздова в Комитет Севера при ВЦИК (копия в Ленинградский облисполком) от 12 июня: а) в скором времени будет создан туземный район «Восточно-Лапландский», а потом, возможно, и второй — на западе, в результате чего лопари и самоеды получат самоуправление; б) при плановой комиссии окрисполкома организуется секция по планированию хозяйства районов Мурманского округа, которая своей деятельностью охватит также хозяйства малых народностей; в) в следующем году в районах помимо статистика будет введена должность плановика.

В данной структуре управления, по мнению Дроздова, Комитет Севера станет дублирующей организацией. Мол, после ликвидации права «непосредственных сношений» с Комитетом Севера при ВЦИК будут возложены на окружную плановую комиссию. Таким образом, перспективные планы развития хозяйства малых народностей Севера будут увязываться с общеокружным планом развития местного тундрового хозяйства.

В отношении Алымова в записке сказано следующее: «Для сохранения преемственности в работе председателя Комитета Севера т. Алымов переходит в райсекцию окрплана с более широкими правами — изучение всего районного хозяйства, оставаясь Уполномоченным Комитета Севера при ВЦИК по вопросам малых народностей Севера».

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 сентября 1930 года Мурманский комитет Севера упразднен с 1 октября и учреждалась должность уполномоченного, им стал Алымов. 18 ноября того же года в окрисполкоме состоялось техническое совещание по распределению функций между работниками плановой комиссии, Алымов назначался старшим экономистом. Круг его вопросов:

руководство и «живая связь» с районными плановыми комиссиями, составление перспективных планов, консультации по вопросам рыбного, оленеводческого и сельского хозяйства.

Более трех лет, работая в окрисполкоме, по совместительству Алымов являлся уполномоченным Комитета Севера при ВЦИК. 23 марта 1934 года его сменил заведующий орготделом по национальной работе в окрисполкоме П. Н. Антонов, заместитель Чернякова в Комитете нового алфавита. Передача дел затянулась до осени. Причины такой задержки и ухода Алымова («освобожден согласно его просьбе») не выяснены.

В фонде № 169 (Комитет Севера) в Мурманском госархиве есть объемные документы, написанные Алымовым, назовем некоторые:

«Отчет о хозяйственном и культурном состоянии лопарей и самоедов Мурманского округа в 1928 году и о советской работе вообще среди этих народностей» (д. 3, лл. 122—139; д. 4, лл. 48—62), написанный для окрисполкома.

«О положении женщины-туземки в Мурманском округе» (д. 1а, лл. 379—384; д. 10, лл. 101—106. — 1929 год) — для Комитета Севера при ВЦИК. На основе этого доклада написана статья «О лопарской женщине» и направлена в редакцию журнала «Коммунистка». Напечатана ли статья, не выяснено.

«О состоянии хозяйства и культуры малых народов» (д. 9, лл. 55—58. — 1933 год) — для Президиума Совета Севера при Леноблплане.

«Оленеводство: Статистика 1931—1932 гг.» (д. 9, лл. 64—74).

Отметим также обширное письмо этнографа Владимира Чарнолуцкого (д. 5, лл. 71—74), о котором говорилось выше. О нем Чарнолуцкий упоминает в своей книге «В краю летучего камня» (М., 1972. — С. 72). Но до сих пор нигде не цитировалось, считалось уничтоженным при аресте Алымова. Оно, писанное мелким почерком, двухстороннее, сброшюрованное в деле прямо по тексту, трудночитаемостью не привлекло исследователей.

Впрочем, кроме перечисленного в фонде немало и других серьезных документов. Недаром фонд Комитета Севера, как и другие фонды, касающиеся саамской жизни прошлого, является одним из ценных.

Стесненные ограниченным объемом журнала, из всего архивного многообразия мы выбрали для публикации один небольшой документ, касающийся взглядов Алымова на зарождающуюся саамскую письменность.

В КОМИТЕТ СЕВЕРА ПРИ ВЦИК

Месяц назад была получена от Вас записка «Северный алфавит», к которой был приложен написанный от руки новый лопарский алфавит, то есть те знаки общего северного алфавита, которые возможно ввести в лопарскую письменность для передачи звуков лопарского языка. По поводу того и другого считаю необходимым сказать несколько слов.

1. В присланном лопарском алфавите пропущен знак для одного из самых основных звуков лопарского языка, по-русски изображаемого «Ы», а в новом тюркском алфавите, который послужил основой для северного (изображаемого «Ь»), в виде русского мягкого знака.

Изображать этот знак (русское «Ы») знаком «I» нельзя, так как «Ы» в лопарском языке встречается не только после согласных (когда можно было бы заменить отсутствием знака смягчения предшествующей согласной), но и перед согласными и не в качестве части дифтонга, а в качестве самостоятельного звука. Например: «ЫНН» — ночь, «ЫШТАМ» — ларец, «ЫШТЕМ ОАЙ» — сиденье, «ЫХ КАН-ЧАЛЬМ» — окно, «ЫТМУШ» — появление и другие (Арвид Генец — «Лопарско-финско-немецкий словарь»).

Отсутствие этого звука в присланном образце лопарского алфавита, очевидно, является ошибкой.

2. Относительно диалекта, который нужно было бы избрать для литературного лопарского языка, я могу высказать то же мнение, которое я высказывал на заседании Ленинградского филиального отделения Комитета Севера 30 или 31 декабря 1929 года. Это мнение вполне совпадает с мнением, высказанным в Вашей записке. В основу литературного языка должен лечь диалект, во-первых, наиболее многочисленный и вместе с тем наиболее цельной и сильной в экономическом отношении территориальной группы. Во-вторых, этот диалект должен быть, несомненно, понятен говорящим на других, географически соседних диалектах.

В лопарском языке имеется много диалектов — больше 10. В том числе лопари СССР говорят на 4 диалектах: так называемом Кильдинском, Бабинском, Нотозерском и Терском. На Кильдинском диалекте говорят жители погостов Кильдинского, Пулозерского, Ловозерского, Воронежского, Семиостровского; к нему очень близок и находится на пути к полному уподоблению говор Экостровских лопарей, живущих на озере Имандре (Экостровской).

На Терском диалекте (Тарья килл) говорят погосты: Иокангский, Лумбовский, Сосновский и Каменский, то есть восток Кольского полуострова. На Бабинском говорят лопари Бабинского погоста. Исследователь лопарей Арвид Генец в 1870-х годах бабинских и екостровских лопарей относил к одной диалектной группе — «бабинской» (ахкель-саме-кил). Это неверно: екостровцы скорее кильдинской группы.

На Нотозерском диалекте из живущих в СССР говорят только лопари Нотозерского сельсовета. На этом же диалекте говорят жители Сонгельского погоста, в 1920 году отошедшего к Финляндии. Очень близки к Нотозерскому диалекту — диалекты находившихся в Мурманском округе мотовских лопарей и отошедших к Финляндии Печенгского и Пазрецкого погостов.

Я считаю, что наиболее подходящим диалектом будет Кильдинский. Вот почему:

1) Этот диалект понятен и «нотозерцам», живущим к западу от «кильдинцев» и терским лопарям, живущим к востоку от них.

2) В экономическом отношении группа «кильдинцев» наиболее мощная, оленеводство среди них развито значительно, чем у восточных и западных. По Приполярной переписи у них было 12 845 оленей (в том числе у трудовых хозяйств свыше 9000), у нотозерцев (включая мотовских, но без зарубежных) — 2227, у терских — 5670, у бабинских — 615. К этой группе относится 49% населения, к терской — 20%, к нотозерской (вместе с Мотовским погостом) — 26%, к бабинским — около 5%.

3) Язык кильдинской группы в словарном отношении богаче языка нотозерской группы, находящейся под влиянием соседнего с ней финского языка (суоми), из которого ею заимствовано много слов хозяйственного обихода.

Кильдинский диалект стремится к упрощению в отношении фонетики (например, дифтонги превращаются в монофтонги). Преподавателем ИНСа т. Черняковым выдвигается идея положить в основу литературного лопарского языка диалект Нотозерский, мотивируя это тем, что надо взять такой диалект, который был бы понятен и зарубежным лопарям. Идея хорошая, но ее нужно бы формулировать так: «нужно избрать такой диалект, который был бы понятен всем лопарям, обитающим в СССР*, и вместе с тем был бы доступен и зарубежным».

Нотозерский говор терским лопарям (живущим в Понойском районе и Каменском погосте Ловозерского района) малопонятен. Терские и нотозерские лопари в разговорах друг с другом часто прибегают к помощи русского языка.

Кильдинский же говор будет понятен и зарубежным (бывшим нашим, но в 1920 году отошедшим к Финляндии). Зарубежных лопарей, о которых идет речь, всего, по финскому учету 1926 г., 402 человека. О других же зарубежных — финских, шведских и норвежских — говорить в связи с нашими лопарями не приходится, так как они говорят на разных диалектах, значительно отличных от диалектов наших лопарей.

Прошу при рассмотрении вопроса в НИА ИНС принять во внимание высказанное здесь.

Уполномоченный Комитета Севера при Мурманском окрисполкоме

В. К. Алымов.

[Декабрь 1931 г.]

ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 12в, л. 37—38, машинопись, копия.

* Здесь и далее подчеркнуто автором.